

НА ПУТЯХ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ¹

I

...Все грандиозное национальное строительство СССР, колоссальное, невиданное в истории человечества братское единение разноязычных народов с самым доброжелательным и пристальным вниманием к их языкам — все это полно освещено теорией Ленина и Сталина.

...Образец вдумчивого исследования по исторической диалектологии дан в не оконченном, к сожалению, «Франкском диалекте» Ф. Энгельса (статья «Франкский период»).

Твердо и решительно рекомендован Энгельсом, как метод языковедческой работы, сравнительно-исторический метод: «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки... Ясно, что мы имеем дело с филологом, никогда ничего не слышавшим об историческом языкознании, которое получило в последние 60 лет такое мощное и плодотворное развитие,— и поэтому-то г. Дюринг отыскивает «высоко образовательные элементы» языкознания не у Боппа, Гримма и Дитца, а у блаженной памяти Гейзе и Беккера»². Сравним с этим письмо Энгельса к Лассалю (1859 г.):

«С тех пор, как я нахожусь здесь, я занимался главным образом военными вопросами и время от времени предавался своему старому излюбленному занятию — сравнительной филологии. Но когда целый день занимаешься благородной коммерцией, то в области такой колоссально обширной науки, как филология, не удастся выйти за рамки чистейшего дилетантизма, и если я некогда лелеял смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков, то теперь я уже давно отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич»³.

Если ко всему этому прибавить еще значительный материал, содержащийся в произведениях таких серьезных марксистов с филологическими интересами и подготовкой, как П. Лафарг, Ф. Меринг, таких очень крупных писателей, твердо стоявших на материалистических позициях, как А. М. Горький, то можно с до-

¹ Газ. «Правда», № 164. — 13.VI. 1950 г.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — 1950. — С. 303–304.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // Письма. — Т. 25. — С. 245. К тому времени, к которому относится письмо Энгельса, вышли (на немецком языке) два первых тома сравнительной грамматики славянских языков Фр. Миклошича — «Фонетика», 1852, и «Учение об основах», 1859 г.

статочным правом сказать: в нашем распоряжении есть все необходимое для построения материалистического языкознания.

II

«Нам нужно ответить на вопрос: многое ли из ранее накопленного научного материала уже устарело, уже не может иметь значения в практике исследовательской работы лингвистов?»

Дело идет, собственно, в первую очередь о сравнительно-историческом методе. Акад. И. Мещанинов в своем перечне отрицательных сторон нашего языковедения говорит: «Еще не окончательно изжит формально-сравнительный метод с реакционной гипотезой праязыка...».

Считаю, что это положение не обосновано и вредно прежде всего для тех возможностей построения материалистического языковедения, которыми мы располагаем и которые в принципе восходят к Энгельсу.

Наиболее частый и наиболее тяжелый упрек сравнительному методу, упрек, который стал ходячим, состоит в том, что этот метод предполагает наличие «праязыка» и прямо связан с «расовостью», откуда уже выводится «расизм», т.е. проповедь ненависти представителей одной расы к другой.

Критика понятия «праязыка» ведется давно уже в самом индоевропейском языковедении. Но что бы ни высказывалось по этому вопросу, «праязык» или «праязыки», о которых идет речь, не имеют, конечно, ничего общего с приписываемым «индоевропейцам» пониманием этого «праязыка» как какого-то единого языка человечества или чего-то в этом роде. Оперирование понятием «праязыка» применительно к конкретной группе родственных языков никак не связано и может только по недоразумению быть связываемо с вопросом — идут ли языки от первобытной множественности к единству или же наоборот?

Последний вопрос, к тому же, надо решать диалектически, а не с той поверхностной прямолинейностью, с которой его, к сожалению, нередко ставят и решают.

Не раз и не два в истории языков, т.е. племен и народов — их носителей, совершался процесс то от множественности к единству, то наоборот, — от единства к его распаду, процесс, который в пользу единства в далеком будущем, как мы убеждены, решат в конечном счете ведущие исторические факторы. Где факты языка, а не отвлеченные рассуждения, заставляют считаться больше с моментами дифференциации, а где с противоположными, — это определяет конкретный материал.

Далее. Язык и раса не находятся между собою в прямой связи: по языку негры Северной Америки — безоговорочно индоевропейцы; индоевропейцы же германской ветви — евреи, пользующиеся в качестве родного языка так называемым «идиш», и романской ветви, — пользующиеся видоизмененным испанским; наоборот, по антропологическому типу слабоотличимые от других европейцев венгры, эстонцы и другие народы говорят на языках другой системы, и в этом отношении они — определенно не индоевропейцы.

Как бы и какими приемами ни изучалась история языков определенной системы, расы тут ни при чем, хотя не нуждается в доказательстве и тот простой факт, что языки тех или иных систем распространены по преимуществу среди тех, а не других этнических групп. Если фашистским и фашиствующим жуликам от науки оказалось нужным из факта наличия языковых семейств сделать выводы расового и далее расистского характера, то при чем тут наука?

И другое: сравнительно-исторический метод не предполагает обязательно оперирования понятием «праязыка» как древнейшего языка данной языковой

системы: на этот счет есть разные взгляды. Мало кто среди самих «индоевропейцев» теперь верит в то, что сравнительно-исторический метод даже в области фонетики и морфологии достаточен, чтобы реконструировать этот цельный «праязык» (для индоевропейской группы, условно говоря, 5.000 — 6.000-летней древности). Но, сличая факты нынешних языков и показания памятников, действительно, нельзя обойтись, если идти вглубь, без того, чтобы не воспроизводить древнейшее состояние языков данной группы в тех или других чертах. Но это все — круг чисто конкретных вопросов, и не о них сейчас идет спор. А когда дело идет о близости такого бесспорного типа, как славянские языки, романские и подобн., реконструкция их древнейшего группового состояния приобретает уже очень высокую вероятность.

Другой упрек, что сравнительно-исторический метод — формалистический: им работают, мол, в отрыве звуков от значений. Упрощенные технически приемы изложения принимаются, когда делается такой упрек, за суть дела. Забывается простейшая вещь, что даже фонетику в сравнительно-историческом аспекте нельзя, абсолютно нельзя строить, не этимологизируя, т. е. не сличая значений слов и (худо ли, хорошо ли — это другой вопрос, о чем ниже) не допуская тех или других изменений значений, т. е. смысловой стороны слова.

Сравнительно-исторический метод в работах разных авторов выглядит далеко не одинаково. Больше того, любой убежденный сторонник этого метода может указать на ряд его слабых мест, непреодоленных трудностей, у отдельных авторов — идеологических наслоений, неприемлемых с марксистских позиций.

Мы не можем поэтому не спрашивать себя, чему мы объективно служим, отстаивая значение именно сравнительно-исторического метода, хотя бы как одного из методов языковедения в области истории языка? Что говорит в нас? полученная ли школа? привычка? инерция? неумение оценить перспективы, открывающиеся с других позиций? неспособность преодолеть пережитки буржуазного сознания? Вряд ли. Кто долго и много обращался с фактами своей науки, кто видел, как эти факты покоряются определенным приемам исследования и упорно не хотят, ибо не могут, подчиняться иным (и это же происходит у всех других, имеющих достаточно серьезную подготовку в соответствующей области знания), тот, естественно, убежден, что приемы, при помощи которых он обрабатывает факты (пока нет лучших), — именно те, от которых нельзя отказываться без вреда для дела.

За сравнительно-историческим методом — крупнейшие заслуги в области лингвистической науки. Его практическая полезность не исчерпана. Еще очень много вопросов, относящихся к языкам и индоевропейской системе и других, можно и следует решать, применяя его. Другое дело — границы его полезности, степень совершенства и возможности совершенствования. Мы полагаем, что сравнительно-исторический метод не должен превратиться в пугало с клеймом «буржуазности», так как, кроме ущерба для науки, требующей полноты и разносторонности в охвате фактов, это ничего не даст.

Ценность этого метода в том именно, что, — стоя перед горами пестрых фактов языка, взятого в разрезе современности, и желая так или иначе сличить данное состояние с предшествующим, — убежден: исходя из оправдавшей себя во множестве случаев научной предпосылки, что звуковые соответствия между предшествующим и последующим состоянием должны проводиться последовательно. Говоря в общих чертах, т. е. без ряда нужных уточнений, — если сличение дает указание на определенное соответствие в трех словах, то

следует ожидать и можно получить подтверждение этого в десятках и сотнях других слов.

Принципиального расхождения между взглядами на этот метод «индоевропейцев» и большинства специалистов по другим языковым системам — угрофиннологов, семитологов, тюркологов и т. д., с полным успехом, т. е. с прямыми результатами применяющих этот основной прием сравнительно-исторического метода, — насколько нам известно, нет: дело идет скорее о тех или других частностях, чем о принципе. Важности этого принципа для лингвиста, работающего по истории языка, не отрицал и Н. Я. Марр. О том, как практически им применялось понятие фонетического закона и верны ли, т. е. соответствуют ли фактам конкретные закономерности, которые он устанавливал, — это особый вопрос. Компетентное слово по этому поводу может принадлежать только картвелистам и специалистам по другим языкам Кавказа.

Но и представление о действующих в языках фонетических закономерностях, как оно выработалось около 80-х годов прошлого века, в практике исследования много раз уточнялось: его биологическое истолкование младограмматиками давно отброшено даже в буржуазной науке; среди попыток найти более удовлетворительное истолкование немало и вовсе неприемлемых с позиций материалистического языковедения, и таких, по поводу которых еще не сказано последнего слова.

Много сделано в Европе и еще в дореволюционной России для определения приемов сравнительно-исторического анализа. Известную роль сыграли, например, усилия, продолженные в советское время и направленные к тому, чтобы рационально обработать круг приемов, относящихся к перебивающей фонетические закономерности «аналогии» и к родственным явлениям, особенно в области морфологии. Метод прошел через серьезнейшую проверку лингвистической географией, вышедшей из диалектологии научной дисциплиной, тщательно изучающей жизнь в социальной среде отдельных слов, и т. д.

III

Может ли сравнительно-историческому методу в настоящее время быть противопоставлен другой? Не буду говорить о чисто историческом: он не вызывает принципиальных споров и успешно, хотя бы в области русского языка, применялся и применяется. Но метод этот (история языка по памятникам) не далеко уводит от простой эмпирии и ни с какой стороны пока не дал ничего такого, что заслуживало бы каких-либо подчеркнутых одобрений ему, как теоретически или практически новому.

Н. Я. Марр противопоставлял сравнительно-историческим приемам свой метод палеонтологического анализа — по четырем элементам (раньше — по большему их числу). Не будем дискутировать по поводу этого метода — что конкретно при помощи его добыто и что можно добыть. Языки, которые я знаю, в основном не являются областью реликтов, которые хотел обнаружить покойный академик. Но, работая на Украине, я не мог, не могу и сейчас пройти мимо работы Н. Я. Марра, — кажется, единственной прямо относящейся к украинскому языку. Не скрою, здесь почти всё для меня и многих, знакомившихся с нею, странно. Странно называется она — «Яфетические зори на украинском хуторе. (Бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке). Посвящается Второму Всеукраинскому съезду востоковедов» («хутор» в период колхозного строительства!). Удивляет уже первая страница: «Кому Милосская Венера, да Владимир Красное Солнышко, а кому богиня Мотыга или, что то же, богиня Рука, да Свинья Красное Солнышко... Неладно: нет солнышка женского рода. Но не наша

вина, что, зная прекрасно про женский род солнца и невозможность втереть очки современникам, сразу обратить ее, еще женщину в осознании первобытного матриархального общества, в бородатого представителя человечества, кое-где правду-матку прикрыли фиговым листиком, а солнце оказалось существом очень сомнительного рода: среднего»⁴.

Совсем странны этимологии. Берется, например, украинский звукоподражательный глагол — «хрю + к-ати», рядом с ним упоминается «хрьо-к-ати», и, — могу лишь процитировать — пересказать трудно: «Затем, связь “свиньи”, как культового существа, в увязке тотемных предметов одного и того же “племени”, точнее, определенной производственно-социальной группировки, уже не скифо-кельтского, а рошского объединения, выплывает в укр. *роха* “свинья” (отсюда *рох* “хрюканье свиньи”, *рохкати* “хрюкать”, *рохкання* “хрюкание”), а год (← го-к) → гок ведь это означало “солнце”, герср. “небесенок”»⁵. Итак, утверждается, что «хрюкать» и «солнце» как-то родственны по смыслу.

Из таких этимологий «по элементам» состоит вся статья: читатель, если ему угодно, найдет их, открыв любую из первых 75 страниц «Ученых записок» Института этнических и национальных культур народов Востока за 1930 г., I.

Академик И. И. Мещанинов в своей дискуссионной статье по существу готов полностью отказаться от элементного анализа. Это хорошо, и можно было бы, как будто, уже пройти мимо этого вопроса, как отпадающего. Но дело совсем не так просто, как кажется. Возьмите л ю б у ю страницу л ю б о й работы Н. Я. Марра примерно после 1925 года, вычеркните из нее все, что относится к «элементам», и решите, останется ли в ней хотя бы десять или даже пять процентов другого материала и высказываний, свободных от теории, на которой базируется весь метод элементов.

То, о чем я сейчас говорю, слишком серьезно; от этого нельзя отмахнуться, нельзя отделаться абстрактными фразами. Отказом от элементов вопрос еще не стал решенным до конца; с ним связано еще много других, острых и важных, и решать его надо, глянув в лицо фактам, как они есть.

Усилия создать семасиологию, как настоящую науку, ведутся много лет, но не дали больших результатов. Конечно, она сейчас — не то, чем была в начале века; но состояние лингвистической науки в этой области очень далеко от предъявляемых к ней законных требований, и об этом вряд ли нужно спорить.

Дал ли нам другую, более совершенную семасиологию акад. Н. Я. Марр? Его устремления не относились к современности. Интересы Марра — в обнаружении древнейших стадий человеческого мышления, как они отложились в языке, и пафос его творческих усилий, как лингвиста, — восстановить, сделать наглядными формы «дологического» мышления человека.

Решил ли он эту задачу? Убеждают ли обнаруженные им, по его утверждению, «пучки значений», т. е. связи представлений, которые он считает характерными для «дологического» мышления? Мы не можем и не должны навязывать сказочно далекой древности, которою занимался Марр, тех связей значений, с которыми мы имеем дело сейчас, и вполне готовы допустить для нее, по крайней мере, некоторые «чудеса», невозможные для сознания нынешнего культурного человека. Но чтобы допустить в научном плане, а не в плане, скажем условно, художественной фантазии, те или другие архаические «пучки значений», чтобы пойти за интуицией даже и очень крупного ученого, мы не имеем права не требовать д о к а з а т е л ь с т в, т. е. суммы научно обработанных данных, которая

⁴ Марр Н. Я. Избранные работы. — Т. 5. — С. 224.

⁵ Там же. — С. 234.

допускает разностороннюю и неоднократную проверку. Не все компетентны произвести такую проверку в области, о которой идет речь; здесь слово — за знатоками картвельских и других яфетических языков Кавказа, и только за ними.

Но если и они, как крупнейший картвелист А. С. Чикобава, этих «чудес» не видят и за многие годы работы в этой области, — хотя, несомненно, долго и внимательно изучали труды Марра, — не смогли увидеть того, что ему представлялось уже открытым, для нас, не-кавказологов, законны серьезные сомнения: соответствует ли отстаиваемая им семантика глубочайшей древности тому, что действительно в ней, в этой древности, существовало?

Среди семантических «пучков» Марра есть такие, которые не вызывают никакого удивления своей новизною; они наблюдались и наблюдаются (при учете дифференцирующих морфологических признаков) в хорошо доступных всем нам языках.

Не трудно согласиться, например, что названия «земли» лежат в основе слов для «низа», что связаны между собою наименования для «времени» и для «года», что слова со значением «пространства» приобретают значения «места». Любой этимологический словарь любого из индоевропейских и неиндоевропейских языков вполне подтвердит такого рода утверждения Н. Я. Марра. Но многое и з других его сопоставлений не может не удивлять нас, и мы, естественно, спрашиваем, как и чем это доказано?

Думается, что существование новой семасиологии, созданной именно у нас, строго обоснованной и твердо базирующейся на методе диалектического материализма, не является еще тем, чем мы можем гордиться как фактом нашей научной действительности. Программа этой важной отрасли языкознания и метод ее, — не в декларациях, свидетельствующих о добром желании, а в конкретном применении, — является еще и на сегодня тем, что должно быть создано, что ждет своих работников и требует немалых усилий, притом целых научных коллективов.

Можно ли считать, что материалистическая теория происхождения языка, как она дана Энгельсом, подлежит ревизии потому, что есть уже другая, тоже материалистическая? Следует просто сличить то, что находим по этому вопросу у Энгельса, хотя бы с такими высказываниями Н. Я. Марра:

«Товарищи, глубочайшее недоразумение, когда начало языка кладут с возникновения звуковой речи, но не менее существенное заблуждение, когда язык предполагают изначально с функцией, сейчас первой — разговорной. Язык — магическое средство, орудие производства на первых этапах созидания человеком коллективного производства, язык — орудие производства. Потребность и возможность использовать язык как средство общения — дело позднейшее...»⁶. Эти и подобные высказывания Марра (их много), широко распространявшиеся в многочисленных брошюрах, статьях и книгах под маркой последнего слова материалистического языковедения, заставляют, — независимо от того, как исправлял их в процессе своей деятельности автор или как исправляли их его последователи, — откровенно от них отказаться вовсе, раз и навсегда. Останемся с «неисправленным» Энгельсом, а если с «исправленным», то уж чем-нибудь несравненно более убедительным!

IV

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что усилия лингвистической мысли, работавшей в связи с наследством Марра, оказались бесплодными и совет-

⁶ *Марр Н. Я.* К бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме. — 1932. — С. 7.

ской науке о языке нечего назвать как свои настоящие приобретения. То, что суммарно в настоящее время называется «новой наукой о языке» и включает в себя довольно разнородные элементы разной убедительности и разной ценности, создано отчасти самим Н. Я. Марром, отчасти — критически переработанными его наследие учениками (крупнейший из них, — несомненно, акад. И. И. Мещанинов); менее всего — его прямыми последователями, т. е. безоговорочно принявшими все, чему он учил даже в последний, предсмертный, период своей деятельности.

И. И. Мещанинов, освободившийся от многих его ошибок, воспринял от своего учителя, среди другого, три устремления первостепенного научного значения. Он ставит себе задачей построить сравнительную грамматику многочисленных языков, между собой не родственных, и задачу эту решает с привлечением очень широкого материала из еще недавно бесписьменных языков Советского Союза. Он стремится морфологию и синтаксис сравниваемых им между собою неродственных языков осветить, трактуя грамматические категории, как отложение соответствующих фактов мысли (в широком значении слова). Представления (или понятия, или сочетания понятий), отложившиеся в специфике тех или других форм или синтаксических сочетаний, он рассматривает как стадийные, т. е. соответствующие этапам развития человеческого мышления в его зависимости от этапов хозяйственного развития (трудовой деятельности).

Все эти устремления в нашей науке свежи и новы, и то, что по соответствующим вопросам мы находим в его книгах, особенно в вышедшей в 1945 году — «Члены предложения и части речи», — заслуживает самого пристального внимания.

Есть все основания думать, однако, что и сам И. И. Мещанинов не претендует на то, чтобы его работы считались, скажем образно, уже безупречно прочно возведенными стенами будущего здания материалистического языковедения. Не можем их такими считать и мы. И когда «Правда», открыв дискуссию, предлагает свободно и прямо высказать наше мнение, то нужно сказать: из трех названных основных устремлений близко к удаче первое. Грамматика языков генеалогически между собою не связанных систем возможна и бесспорно станет интересною параллельною областью нашей науки, — это наглядно показано работами акад. И. Мещанинова. Удалось ли автору дать убедительное истолкование форм и синтагм тех, до сих пор плохо изученных, малоизвестных палеоазиатских, американских и других языков, которые он внимательно рассматривает в своих книгах? Может быть, акад. И. Мещанинов в ряде случаев находится и около истины, но есть опасение, что теми приемами непосредственного, условно говоря, плоскостного анализа (т. е. без учета истории соответственного языка), которыми работает он, надежных данных получить нельзя: многие истолкования этого рода иллюзорны так же, как такого рода толкования форм индоевропейских языков в ранний период науки, еще не располагавшей тогда сравнительно-историческим методом. Что касается стадийности, т. е. попыток найти более или менее непосредственное отражение экономических формаций в фактах противопоставляемых (сравниваемых) форм и синтагм языков разных систем, то в этом отношении, нам кажется, получено совсем мало убедительного. Пока положение в этих областях почти таково, как в фонетике, о которой Ф. Энгельс писал: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным..., объяснить экономически происхождение верхненемецких изменений гласных, которое разделяет Германию (в отношении диалекта) на две половины»⁷.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Письма. — 4-е изд. — С. 375–376.

Не следует, однако, считать, что соответствующие поиски принципиально ошибочны, ибо отражение общественно-экономических формаций в лексиконе (словаре) — факт, вряд ли подлежащий спору (акад. Марр методологически правильно поступал, сосредоточивая свои поиски в первую очередь на этой области языка), а морфология, как она ни усложнена историческими наслоениями, все-таки действительно находится в зависимости от лексических элементов языка (особенно, например, в языках агглютинативного, «склеивающего» типа).

Представляются ценными результаты сделанного на путях «нового учения о языке» и заслуживает полного сочувствия та роль, которую оно сыграло вместе и вслед за Н. Я. Марром, как созвучное грандиозному языковому строительству в СССР. Но учение это по своей научной сути обращено к давнему прошлому, и связь его с настоящим вытекает не из него самого, а создается лишь в результате властных требований жизни. Если обратиться к тому ценному, что за советское время создано в области русского, украинского и белорусского языков, то приходится констатировать, что новое учение о языке, хотя и имело немало приверженцев, не может здесь похвалиться результатами, прямо восходящими к его воздействию. Ни в расцвете диалектологии как массовых научных предприятий языковедческих институтов Союза, ни в созданной и энергично совершенствуемой в советское время истории литературных языков (нам представляется несправедливой недооценка в этом отношении роли прежде всего акад. В. В. Виноградова), ни в связанной с этой дисциплиной работой над языком писателей, особенно современных, ни в многообразной, связанной с жизнью лексикологической работе, правда, еще нуждающейся в широких обобщениях, которые зревают, ни в хороших описательных грамматиках (здесь можно, кажется, говорить о достижениях и более широких — применительно ко многим языкам Союза), ни в усовершенствовании учебников для средней школы прямых заслуг «нового учения о языке», нам кажется, не видно.

V

Хотелось бы еще сказать о, хотя бы некоторых, перспективах научного строительства в области языковедения.

В многоязычной стране, где двуязычие, т. е. свободное пользование наряду с родным еще и литературным русским языком, представляет ни с какой стороны не исключительный факт, проблема двуязычия в лингвистическом плане, и притом в живом плане современности, казалось бы, выдвигается сама собою. Нельзя не считать великим упущением поэтому, что, много говоря о смешанном характере языков вслед за акад. Н. Я. Марром, советские лингвисты, к сожалению, почти не интересуются тем кругом конкретных вопросов, который прямо связан с этой проблемой.

Как формируется и как отлагается в речи ребенка двуязычие? Какое именно двуязычие (т. е. прежде всего применительно к типам языков)? Каковы формы двуязычия в семье? Какой вид приобретает оно при живом общении и при воздействии школы? и т. д., и т. д. Смешанный характер всех языков мира не подлежит никакому сомнению, и страстная защита Марром этого положения вполне оправдана. Но при огромном его опыте в этом отношении и таком замечательном объекте наблюдения, как прекрасно известный ему Кавказ (хотя бы уже с его «горою языков» — Дагестаном), Марр не успел поставить своих общих положений исторического порядка на твердую почву строго организованного, научно систематизированного описания фактов. Марр не сделал этого, может быть, и потому, что, спеша с обобщениями за увлекавшими его перспективами

проникнуть в глубокую древность языков, он, как исключительный полиглот и человек громадного непосредственного опыта, не находил эту работу для себя нужной. Мы должны, однако, научной интуиции даже очень большого знатока противопоставить нечто прочное, осязаемое, доказанное и проверенное. Это сделать нужно и можно. В нашем распоряжении почти исключительно, и то собственно весьма небольшой опыт, относящийся к языкам индоевропейской системы. Этого явно недостаточно. Нужен материал несравненно больший.

Нужно и можно на твердую почву наблюдений поставить также и то, что относится к тенденциям сближения живых языков между собою. Замечу попутно, что я не вижу оснований для тех критических замечаний, которые А. С. Чикобава делает по поводу тезиса Марра, что «человечество, идя к единству хозяйства и внеклассовой общности, не может не принять искусственных мер, научно проработанных, к ускорению этого широкого процесса». «Искусственные меры» — не обязательно «насилие», как представляется критику.

Без сомнения, А. С. Чикобаве известно не менее других, что нет не искусственных литературных языков, что организация их и осуществление в жизни народов предполагают очень сильные моменты сознательного вмешательства и что школа (можно ли ее отнести к средствам насилия?) — прямое условие их внедрения в массы. Можно с большой вероятностью предположить и то, что в высококультурной бесклассовой среде, которую будет представлять коммунистическое общество, сознательная сторона культурно-общественных процессов будет намного выше того, что мы наблюдаем сейчас.

Исключительное значение с материалистических позиций, — и в этом отношении, кажется, нет расхождения мнений, — имеют судьбы лексикологии и теснейшим образом связанной с нею лексикографии. Несправедливо было бы недооценивать те большие успехи нашей науки в последней области, которые полностью относятся именно к ее советскому периоду.

Но все эти успехи представляются все-таки недостаточными для размаха социалистического строительства нашего времени в огромной стране с ее непрерывно растущими научными силами.

«Словарь современного русского литературного языка» Академии наук СССР имеет большие достоинства, но это пока только две первые буквы. Еще нет Украинско-русского словаря Академии наук УССР; нет академического словаря ни Белорусско-русского, ни Русско-белорусского и т. д. Не сделан (не приведен к печатному виду) ни Русский, ни Украинский исторический словарь и т. д.

В теоретическом аспекте борьба с ошибками и злонамеренными извращениями не должна вестись одними декларациями. Советским языковедам обязательно нужно в области их специальности показать силу метода диалектического материализма, данного им в руки (его сила в других областях давно доказана могучими результатами), а это требует, конечно, и больших знаний, и творческой мысли, и внимания к множеству фактов, среди них — и к «мелочам».

Одно из первых условий процветания лингвистической науки заключается прежде всего и более всего в обращении не к палеонтологии речи, научной дисциплине, имеющей свои права на внимание (но на внимание несравненно меньшее, чем она занимала до сих пор), а к вопросам живых языков. В Советском Союзе, стране многочисленных равноправных народов, конечно, есть чем заняться, есть на чем совершенствовать метод. Научная теория свою проверку и оправдание должна получить в практике.